

ПРОЛОГ

Павсаний медленно и глубоко вздохнул, чувствуя, как внутри разливается спокойствие. Обменявшись взглядом с прорицателем, он поднялся с колен и зашагал через пустой зал, впервые за долгое время без сопровождающих. Вечер выдался жаркий, но в царском дворце Спарты сохранялась приятная прохлада. Тишину нарушал только звон доспехов.

Целым и невредимым Павсаний вернулся благодаря, в первую очередь, богам-покровителям — Аресу и Аполлону. Он не пострадал физически, война не сделала его уродом или калекой; лихорадка не лишила рассудка. В самом расцвете молодости он уже оправился от тягот и лишений военной службы. Конечно, победа смягчает боли и помогает легче перенести голод. Изнеможение — удел проигравшего великую битву. Победители же нередко обнаруживают, что могут пить и плясать за двоих.

Хорошо, что он успел искупаться перед вызовом во дворец. Волосы еще не высохли, и жара его не утомила. В Спарту Павсаний вернулся недавно; илоты еще чистили его плащ, когда прибыл гонец. Засохшую кровь и пыль, а также оставленные потом соляные разводы счистили щеткой и смыли, и этого было пока достаточ-

но. Отправляясь во дворец, он перекинул плащ через плечо и скрепил железной застежкой.

Впервые погрузившись дома в холодную воду, Павсаний увидел, как от него отходит слой маслянистой грязи. Он и теперь еще надеялся, что это было хорошее предзнаменование. Тогда же, оторвав взгляд от странных узоров и подняв голову, он вдруг увидел красные глаза илотов, их дрожащие руки. Теперь Павсаний понимал их лучше, чем прежде. Они горевали. Он мог бы прогнать их — как-никак они нарушили ход его мыслей, — но не стал. Илоты тоже сражались с персами при Платеях, и потери исчислялись тысячами. Их как будто охватило безумие, и Павсаний до сих пор считал афинян виновными в этом безумии. Он сам предупреждал Аристиду не позволять рабам думать, будто они мужчины!

Шагая по центральному проходу, Павсаний размышлял, что в этом году устраивать криптию не стоит. В обычное время, когда илотов становилось слишком много, молодые спартанцы охотились на них на улицах и холмах, соревнуясь в ремесле убийства. Там, в пруду, ему показалось, что в их глазах появилось что-то новое, тревожащее. Они смотрели на него так, как дикие собаки могли бы смотреть на раненого оленя.

Павсаний покачал головой. Возможно, он все-таки прикажет провести криптию. Будь проклят Аристид! Илотов слишком много, чтобы отпускать их на свободу. Спарта выбрала свой путь — по лезвию ножа, под постоянной угрозой, вынуждавшей ее оставаться сильной. Павсаний мысленно одернул себя. Никакого приказа он уже не отдаст. Его власть закончилась в тот момент, когда он ступил на землю Спарты. Теперь решения такого рода будет принимать тот, кто его вызвал.

Дойдя до конца зала, Павсаний опустился на одно колено, уткнувшись взглядом в полированный каменный пол. Молчание затянулось. Молодой царь явно хотел показать, кому здесь принадлежит власть. Павсаний еще раз напомнил себе об осторожности. Битвы ведут не только на полях сражений.

— Встань, Павсаний, — сказал наконец Плистарх.

До восемнадцатилетия молодому царю оставался еще месяц, но на то, что он — сын Леонида, указывали могучие предплечья, густо покрытые черными волосками. Плистарх отчаянно хотел командовать спартанским войском в Платеях, но эфоры запретили ему это. Они уже потеряли своего военного царя при Фермопилах, и его сын был самым ценным ресурсом, которым располагала Спарта.

Войско возглавил Павсаний, и именно он одержал невероятную, невозможную победу, положив конец великому вторжению и разбив мечты персидских царей. Триумф, однако, не принес ему благоволения. Подняв голову, он встретился с холодным взглядом царя. В любом случае, что бы его ни ждало, оно случится быстро. Это афиняне — любители разбавить любое дело разговором. Его народ тратил слова с куда большей бережливостью.

— Ты выполнил свой долг, — сказал Плистарх.

Павсаний склонил голову в ответ. Этого было достаточно, и все же больше, чем хотел сказать молодой царь.

Двое эфоров кивнули, выражая поддержку. Но гораздо важнее было то, что трое этого не сделали. Они только наблюдали за человеком, который привел спартиатов и илотов к победе.

— Я представляю имена павших, — сказал Павсаний в наступившей тишине.

Илоты в списке, разумеется, отсутствовали. Посмертное почтение полагалось только спартанским воинам. Милостью Аполлона и Ареса их было не так уж много. Гневная гордость всколыхнулась в груди, и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не дать ей выплеснуться. Он был там в тот славный день! Он удерживал своих людей в пыли и хаосе сражения, пока не наступил нужный момент, чтобы поместить их, как золотой камень, на пути персидского потока. Эфоров там не было. И сына Леонида там не было!

Павсаний почти физически ощутил упавшую на плечи тяжесть. Именно в этом и заключалась проблема. Именно поэтому они смотрели на него так, будто хотели вскрыть, словно плод, и исследовать внутренности. Запретив Плистарху покидать Спарту, эфоры тем самым лишили его величайшей победы в истории города-государства. Молодой царь, должно быть, ненавидит их за это. Или же... У него пересохло во рту. Его вызвали сюда одного. Второй, прорицатель, оказался здесь случайно, только потому, что был с ним. Дадут ли они кому-нибудь из них уйти живым? Он попытался сглотнуть. Основой жизни в Спарте была пейтархия — полное повиновение. Сыну Леонида пришлось нелегко. Каково ему было смотреть, как войско его отца уходит на войну под командой другого? Однако ж он не обронил ни слова жалобы. Что свидетельствовало в его пользу и говорило о том, каким царем он будет.

— Я решал, что с тобой делать, — сказал Плистарх.

В спину Павсания словно дохнуло холодком. Если молодой царь приказал его убить, то живым отсюда не выйти. Погибнет он от своей руки или от чужой — неважно, теперь все зависит от юнца, который обижен

на него, и от эфоров, сожалеющих о сражении, которое спасло их всех.

Чувствуя, что жизнь висит на волоске, Павсаний быстро заговорил:

— Я хотел бы посетить Дельфийского оракула, узнать, что ждет нас впереди.

Расчет был правильный. Даже эфоры Спарты не проигнорировали бы просьбу поговорить с представителем Аполлона. Сидя над парами, поднимающимися из подземного мира, пифийская жрица говорила голосом бога. Сердце Павсания дрогнуло, когда двое эфоров обменялись взглядами.

Плистарх нахмурился и покачал головой:

— Возможно, посетишь, если долг позволит. Я вызвал тебя этим вечером, чтобы передать тебе командование флотом. В этом мы с царем Леотихидом согласны. Ты примешь нашу власть над городами и кораблями. У персов остались крепости. Нельзя позволить им полностью восстановиться или снова набраться сил. Спарта должна быть впереди. Ты должен быть впереди — там, вдали отсюда.

Смысл сказанного был ясен, и Павсания захлестнуло облегчение. Его бросало от гордости к страху и обратно, кровь прилиwała к лицу, и сердце колотилось как бешеное. Царь принял прекрасное решение. Победитель персов удаляется от молодого царя, который теперь фактически управляет вооруженными силами Спарты. Никаких неловких ситуаций уже не возникнет, столкновения удастся избежать, опасность гражданской войны исчезает. Павсаний очень хорошо знал, что люди почитают тех, кто вел их к победе. Прямо сейчас он мог бы бросить против эфоров всю армию. Они должны бояться

его, и он видел страх в их глазах, видел, с какой опаской они за ним наблюдают.

И все же Павсаний подчинился и снова опустился на колени:

— Ты оказываешь мне честь.

Он с облегчением увидел улыбку на лице Плистарха. Вернувшийся с победой командующий, вероятно, его беспокоил.

— Это больше, чем награда за службу. Афины стремятся править на море так же, как мы правим на суше. Они собирались на Делосе, но я не хочу, чтобы они вели за собой наших союзников. Спартанцы — первые среди эллинов, и так будет всегда. Ты отправишься к ним на шести кораблях с полными командами из спартиатов и гребцов-илотов. Твоя власть получена от меня — напони им об этом. И ты поведешь объединенный флот. Понятно?

— Да.

Павсаний почувствовал, как по коже пробежали мурашки и зашевелились волосы. Интересно, как к этому отнесутся афиняне. Он поднялся.

Юный царь взял его за плечи и поцеловал в обе щеки. Павсаний принял это как знак одобрения. Значит, он останется в живых. Его уже била дрожь, и кожа заблестела от пота.

— Твои корабли стоят в порту Аргоса. Возьми с собой тех, кто тебе нужен. Это я оставляю на твое усмотрение.

Павсаний молча поклонился в ответ. Конечно. Молодой царь стремился избавиться от каждого, кто мог бы поддержать Павсания, если бы тот решил вдруг заявить свои права на власть. Он принял невозмутимый вид, привычный для каждого спартиата, и, взяв царя за руку, поднял ее над головой.

Пролог

— Ты хорошо послужил Спарте, — произнес эфор.

Один из тех, кто не выказал ему поддержки. Однако Павсаний поклонился. В конце концов, эти пятеро стариков говорили от имени богов и царей Спарты.

В обратном направлении по длинному проходу Павсаний шагал с высоко поднятой головой.

Увидев его и не зная, чего ждать, Тисамен вопросительно поднял брови. Проходя мимо, Павсаний хлопнул его по плечу и позволил себе сдержанную улыбку.

— Идем, мой друг, у нас много дел.

— Так ты доволен? — спросил Тисамен.

Павсаний на мгновение задумался и кивнул:

— Да. Есть хорошая новость. Они дали мне флот!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В темноте триера врезалась в берег со скоростью бегущего человека, с громким шорохом рассекая гальку. За ней тенью последовала вторая. Одна за другой они остановились, наклонившись набок. На третьей кормчие всем весом навалились на сдвоенный руль, направляя триеру к чистой береговой полосе. Внизу, под ними, гребцы — по девяносто на каждый бот — взбивали в пену волны. Побережье обследовали заранее, но ночью все три корабля шли без огней. Люди на скамьях не видели вообще ничего. Стоявший на носу гоплит всматривался в темноту, не обращая внимания на летящие в него морские брызги и готовый в любой момент подать сигнал тревоги.

Третий киль зацепил дно. От резкого толчка стоявшие на палубе люди попадали на колени, а один со сдавленным криком свалился за борт, упал на мелководье и в панике метнулся в сторону. Галька поднялась под ним, словно носовая волна, и вынесла на берег. Распластавшись на земле, он с облегчением устался в звездное небо.

Некоторое время афинский военный корабль продолжал по инерции двигаться вперед, забираясь выше и выше, пока огромный вес не придавил его к земле. Деревянные балки закрипели, и триера остановилась.

Быстрая и живая в привычной стихии, на берегу она превратилась в нечто неуклюжее и мертвое.

Палуба медленно накренилась. Веревки и лестницы развернулись, словно праздничные ленты, и люди посыпались на берег. Гребцы по оба борта торопливо втянули свои драгоценные весла и тоже выбрались на сушу по песку и камням. Берег здесь спускался к морю полого, что и объясняло решение Кимона в пользу этого места. В ином случае им пришлось бы спускаться на воду лодки, брать на буксир оставшиеся на плаву галеры и тащить их на мелководье.

Свои три корабля Кимон направил на берег, как копия. Все афиняне научились грести, меняясь на веслах, как это делала столетия назад команда «Арго». На суше они все, бормоча молитвы богам, брали в руки оружие и щиты. Кимон уже давно обратил внимание на мощные плечи и ноги гребцов, ходивших бесшумно, как кошки, и лазавших ловко, как берберийские обезьяны. По его настоянию гоплиты целыми днями сидели на веслах, набирая физическую силу, а гребцы осваивали навыки владения копьем и щитом. Все гребли и все дрались.

Гоплиты собрались чуть в стороне от темнеющих в ночи громадин. Снаряжение и оружие пешего воина обходилось в небольшое состояние, так что каждый носил на себе немалую часть семейного богатства. На хороший щит уходило трехмесячное жалованье, и копили на него целый год. Изготовив по размерам и подогнав основу, щит украшали личным гербом. Поножи тоже требовали немало мастерства, они крепились к голени с помощью ремней. Примерно столько же стоил гребенчатый шлем. Некоторые гоплиты носили на поясе мечи, но главным оружием всегда считалось длинное копье-дори.

Каждый боевой комплект представлял собой настоящее сокровище. Его помечали именем владельца, бергли, а после битвы приносили домой, чистили и смазывали маслом. Оружие и доспехи павших подбирали и передавали в семью — старшему сыну или вдове, которая могла продать их и жить на вырученные деньги.

Выйдя на освещенный звездами берег, Кимон обнаружил полный порядок — его люди выстроились шеренгами и негромко переговаривались, уже готовые к маршу. Он удовлетворенно кивнул. Пожалуй, лучше всего гоплиты владели копьями, как и подобает людям, обученным боевым приемам с детства. Каждая из этих устрашающих штуквин заканчивалась листовидным железным наконечником. С другого конца копье уравновешивалось тяжелым втоком. В руках умелого воина это оружие помогало противостоять коннице и побеждать «бессмертных». Укрытый щитами строй гоплитов щетинился копьями, как шипами. В сражениях на поле Марафона и при Платеях копьядори убедительно доказали, чего стоят. Свою репутацию они подтвердили и в Эйоне, где греки разграбили персидскую крепость.

Перикл наблюдал за Кимоном, стоявшим в стороне от строя, — темная, неподвижная фигура в развеваемом на ветру плаще. Сам Перикл стоял рядом с Аттикосом, гоплитом по меньшей мере вдвое старше, но принадлежавшим к его племени и дему в Афинах. Дрожая от морского бриза, Аттикос напевал под нос, чтобы никто не слышал, как у него стучат зубы. Намного ниже Перикла ростом, он больше напоминал обезьяну, чем человека, и всегда шумно дышал через нос. Сколько ему лет, Аттикос не признавался, но свое дело знал и к отцу Перикла относился с глубоким почтением. Время от времени Перикл задавался вопросом, не приставлен ли

этот человек к нему Ксантипом для обеспечения его безопасности.

— Только время зря теряем, я уже яйца отморозил, — ворчал себе под нос Аттикос. — Слышишь? Это мои шарики падают на гальку. Я б их искал, если б не было так темно. Придется оставить здесь. Подберу на обратном пути. А тут еще спина горит после прыжка с палубы. Вот так же и в Эйоне было. И теперь только хуже будет...

Аттикос всегда бубнил, когда нервничал. Если его просили заткнуться, он умолкал на какое-то время, но потом начинал заново, сам того не замечая, как ребенок, говорящий во сне.

Перикл покачал головой и предпочел промолчать. Он был готов выступить вместе с остальными, когда Кимон отдаст приказ. Ему нравилось ощущать тяжесть щита и копья, и он знал, что не уклонится от боя, хотя мочевого пузырь грозил опорожниться прямо на ногу. Пока не поступит команда двигаться, придется терпеть и тошноту, и спазмы в животе. Бесконечные жалобы Аттикоса на физические недомогания делу никак не помогали. Он сражался и при Марафоне, и при Платеях и собрал немалую коллекцию шрамов, продемонстрировать которую с готовностью соглашался за один бронзовый обол.

По телу пробежала дрожь, и волосы на голых руках и ногах встали дыбом, как крылышки насекомого. Перикл сказал себе, что все дело в сырости и ветерке с моря. На самом же деле он просто вспомнил, что носит доспехи брата. Арифрон погиб у него на глазах, на похожем берегу этого самого моря. Перикл пытался прижать рану брата, но пальцы соскальзывали с бледнеющих краев. Вытекшая кровь забрала у Арифрона жизнь.

Аттикос продолжал бормотать что-то невнятное, и Перикл крепче сжал копьё. Ладони стали влажными — должно быть, от брызг или от пота. Это ведь не смерть брата слепила их, нет. Такого не может быть. Но смотреть на пальцы Перикл не стал.

Они же готовились к этому, напомнил он себе. Так решило Афинское собрание — найти и уничтожить все персидские крепости и гарнизоны в Эгейском море. Флот выходил и тройками, и дюжинами, охота не прекращалась, и покоя враг не знал. Персия закончилась у моря. У персов больше не было там опорных пунктов — ни на островах, ни даже на побережье Фракии.

Кимон, получивший звание стратега при Саламине, собрал под своим именем около шестисот человек. Девяносто из них были опытными гоплитами, остальные прошли хорошее обучение. Месяцем ранее они высадились на той части фракийского побережья, которую персы удерживали в течение столетия. Кимон выбрал это место как цитадель и символ персидского влияния. Город окружали стены, а рядом протекала река. Перикл помнил, как Кимон вглядывался в даль, оценивая местность вокруг крепости.

Правитель города сдаться, конечно, отказался. В ответ афиняне убили посланных им гонцов, а затем перекрыли все дороги, ведущие в обнесенную стеной крепость. О своем плане Кимон рассказал им той же ночью. Перикл помнил, как стратег смотрел на него, пристально и испытующе, словно решая, чего он стоит.

— Ахиллес знал это, — сказал Кимон, — когда стоял перед Троей. Человек должен бежать навстречу смерти, а не просто принимать ее. Он должен найти смерть, стряхнуть кровь со своей бороды ей в лицо и рассмеяться! Только так воин может добыть ту славу, которая